

— Мы с вами сидим сейчас в кафе «Карара» в самом центре Еревана. Это ваше новое кафе. Оно похоже на легендарный «Туманянс- Арт», который у вас был в Степанакерте? Что это было за место?

— То, что сейчас элементарно мы не можем поменять название, одним этим уже непохоже. То, что нет нашего легендарного сада с плодовыми деревьями, уже не похоже. А единственная схожесть с «Туманянс» — это то, что здесь мы, те же самые Кристин и Вадим, которые были в «Туманянс». Но там было совсем по-другому, там мы были сильными. Теперь мы просто стремимся снова стать сильными.

— «Туманянс-Арт» — это часть вашего проекта по работе с особенными детьми, это часть вашего фонда. Вот про это расскажите, если можно.

— С самого начала, после апреля 2016 года, после того, как мне пришлось столкнуться с людьми, которые бежали из разных сел с семьями многодетными. Дальше была волонтерская работа в фонде VIVA, в этот период практически все приграничные села были объезжены. Мы открыли фонд, назвали его «МилаГри», инклюзивный проект, первый в Арцахе. И мы начали работать с этими детьми, начались наши проекты образовательные, еженедельные индивидуальные и групповые занятия с детьми. Индивидуальные, потому что нужно было помочь детям с лечением, это психолог, это логопед, это специальный педагог, это массажист, специальный массажист. И групповые занятия, где происходит эта самая инклюзия, то есть нормотипичные дети общаются с особенными, и происходит совмещение. Когда с самого раннего детства особые дети понимают, что есть общество, в котором они должны жить и существовать достойно. И нормотипичные дети понимают, что есть дети с особенностями, которых тоже нужно принимать такими, какие они есть, и помогать друг другу. После войны 2020 года я позвонила мужу и говорю: «Дим, здесь на Туманяна сдают помещение, надо брать». Он говорит «С ума сошла?» У нас дом разрушен после обстрела из Шуши. А у нас миллион проблем в этот момент, мы сами со своим ребёнком к психологу ходили. Потому что когда началась бомбёжка он был дома один и на этом фоне много проблем было. И мы с ним в это время сами посещали психолога, чтобы снова стать сильными. И он говорит: «У нас сейчас столько проблем. Что значит помещение в аренду?» Я говорю: «Дим, берём!». Почему кафе, потому что для того, чтобы помогать, нужны средства. Сначала то, что у нас было, мы делились, этого было достаточно. Потом потихонечку это всё разрасталось, и нас уже не хватало. Мы понимали, что нужно откуда-то доставать средства. И тогда появился проект «Бай Кристин», мы начали шить сумки, экошоперы. Я на них вышивала, кто-то из родителей на них рисовал, кто-то их шил. Мы продавали эти сумки на разных площадках и на вырученные деньги проводили наши мероприятия. А после этого произошла блокада, катастрофа, исход.

— Как всё это перенесли дети? Они напуганы, потрясены? В каком они состоянии сейчас?

— Как только мы смогли выйти на связь с родителями, мы тоже спрашивали, как дети. Естественно, первый вопрос: «Как дети?». Дети все одинаковые и без разницы, с особенностями, без особенностей. Каждый из них привык к своему дому, к своим игрушкам к своему быту. А тут мало того, что эта дорога страшная, которую пришлось пережить, а потом ещё непонятная ситуация, где жить, как жить, в каких условиях. То есть, до сих пор есть семьи, которые не обустроены толком. Дети скорее не напуганы, потому что напуганы и потеряны родители, многие очень трудно восстанавливаются. И наша задача в том, чтобы быть рядом с ними и помочь. Хотя сейчас нам самим требуется кто-то, кто бы был рядом с нами и поддерживал. Хочу, пользуясь случаем, поблагодарить всех друзей, которые ежеминутно звонили, ежедневно писали. И говорили, что рядом, что готовы поддержать морально. Это было очень важно.

— Люди находятся в тяжелейшей ситуации. Я последние месяцы много раз общался с арцахцами. Люди абсолютно потеряны, люди в шоке, практически каждый разговор заканчивается плачем, но при этом если просишь рассказать свой дом, тут же появляется улыбка, счастье. Что там, в Арцахе, всё-таки было такое, что делало вас всех счастливыми?

— Всё, всё, что было в Арцахе, делало нас счастливыми. Это воздух, это вода, это земля, это запахи, это птицы, всё абсолютно. Я не забуду удивлённый взгляд журналистки, которая задавала мне вопрос буквально за неделю до всего этого и спрашивала: «Что вы сейчас ощущаете?». И когда я сказала: «Я счастлива», она удивилась. Я говорю: «Да, счастлива, потому что я всё ещё у себя дома, и это счастье меня переполняет, потому что человек, который живёт у себя дома, не осознаёт какво это. А когда ты чувствуешь, предвидишь, что всё ведёт к тому, что ты должен будешь оставить дом и уйти, ты начинаешь ценить каждое мгновение. И от этого ты наполняешься счастьем. Возможно, у тебя это последняя возможность, ты отдаёшься этому чувству, вдыхаешь всё абсолютно в себя, чтобы побольше наполнить себя этими ощущениями, подольше пронести их дальше.

— А что это означает — быть человеком из Арцаха?

— Я часто задаю себе этот вопрос. Чем отличается человек из Арцаха от всех остальных? Наверно, в силу того, что всю жизнь на генетическом уровне нам приходилось бороться за жизнь, а у себя дома и всегда мы сталкивались с огромными трудностями (я знаю это по рассказам моей бабушки, прабабушки) — мы просто стали сильными, очень сильными. И с каждым новым ударом судьбы становимся сильнее кремня. Мы каждую минуту ждём удара, на нас какой-то щит, мы пытаемся устоять, удержаться. И даже сейчас иногда бывают моменты, когда я ловлю себя на мысли: я продолжаю жить и вспоминаю слова бабушки, которая пережила много потрясений. Она говорила: «Из чего же сделано моё сердце, что может столько вытерпеть! Другое сердце уже давно бы разорвалось от всего этого горя!». Вспоминаю её слова и понимаю, что да, мы очень сильные.

— Что вам сейчас предстоит сохранить? Культуру, язык, историю? Что надо в первую очередь сохранить, чтобы остаться собой?

— Самое главное для меня — это свято верить, что родина есть, что мы вернёмся. И я это вижу, я это знаю, я в этом уверена. Может быть, это буду не я, но мои дети, мои внуки. Они обязательно вернуться, и моя задача в том, чтобы передать им это ощущение дома и родины. Что наш дом и наша родина в Арцахе, и мы должны стремиться к тому, чтобы вернуться домой.

— Вы как-то стараетесь при этом держаться вместе, поддерживать друг друга, чтобы не раствориться сейчас, не исчезнуть?

— Это очень больно, потому что среди моих друзей и близких друзей есть семьи, которые решили уехать. Никто никого не имеет права винить или обвинять в том, что уезжают. Если человек не может жить у себя дома, если он начинает жизнь с нуля, то он вправе решать, где он это делает и где он начинает. У всех по-разному, у кого-то родственники которые зовут, легче уехать к родственникам которые их поддержат в этой тяжёлой ситуации. Кто-то вообще хочет уехать далеко-далеко и просто оторваться от всего этого. Но парадоксально, что все мои друзья, которые уезжают, они тоже верят в то, что они вернуться к себе домой. Ведь неважно, откуда ты возвращаешься, из Еревана или из Лос-Анджелеса, если ты возвращаешься к себе домой, и ты хочешь вернуться, и ты веришь в это. Пускай перевалочный пункт, грубо говоря, будет где угодно. Главное, что есть идея, есть вера. Случилось то, что случилось. Что-либо сейчас изменить мы не можем. Единственное, каждый раз сама себе задаю вопрос: что нужно сейчас сделать? И

понимаю, что нам всем необходимо время, чтобы принять то, что произошло. И только после этого выстроить ряд шагов и действий, которые приведут нас в Арцах.

— Но всё-таки невозможно поставить жизнь на паузу, она всё равно продолжается.

— А сейчас жизнь многих из нас продолжается на автопилоте. То есть, мы не осознаём, мы просто тупо делаем то, что мы должны делать, большую часть времени уносит быт. Каждый из нас сейчас в той ситуации, когда ты просто должен обустроить самые необходимые нужды своей семьи. И только после того, как ты понимаешь, что твой ребёнок одет, обут, сыт, ты можешь что-то делать дальше. Нужно дать время людям, чтобы они восприняли то, что произошло, приняли то, что есть, и чуть-чуть устояли на тех позициях, какие есть у нас сейчас. Если сейчас попробовать заставить сделать что-то больше, чем есть, люди сломаются. Очень многие ломаются, потому что год блокады — это ужасный стресс, неделя, которая ушла на этот исход, люди в дороге, столько смертей, столько болезней, столько негатива — это очень сложно, не каждый может такое пройти. Когда умирает человек, родственникам даётся 40 дней на то, чтобы оплакивать и принять потерю, год — на скорбь. Кроме того, что мы потеряли очень много людей, много близких, мы потеряли Арцах на какой-то этап, и это нужно принять. Необходимо сделать глубокий анализ, что к этому привело и что нужно делать дальше. Потеряли не просто дом, не просто землю, а много лет жизни. В 1989 году, когда моей семье пришлось переехать в Арцах из Баку, это было наше первое выселение, моё во всяком случае. И мы приехали в Арцах. В Степанакерте мои родители каждый день выходили на площадь и призывали к миацуму. Идея была миацум. И сейчас, спустя больше 30 лет, я понимаю, что мы проиграли в тот момент, когда изменили идеям миацума, когда мы просто поменяли вектор. В этот момент мы ослабли. Надо было придерживаться этой идее, идти к ней, и эти фактически 30 лет сознательной моей жизни сейчас — они просто выкинуты в мусор.

— Ваши дети — вы бы хотели, чтобы они вернулись в Арцах?

— Это моя мечта, и чтобы я была вместе с ними.